

Лейман И. И. Купечество Вологодской губернии в середине XIX века (по материалам губернской периодической печати). – Екатеринбург: УрО РАН, 2024. – 158 с.

Лейман И. И. Ярмарки на Европейском Севере России в XIX – начале XX века. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2019. – 232 с.

Leiman I. I. Merchants of the Vologda province in the mid-XIX century (based on the materials of the provincial periodicals). – Ekaterinburg: Ural Branch, RAS, 2024. – 158 p.

Leiman I. I. Fairs in the European North of Russia in the XIX - early XX centuries. – Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 2019. – 232 p.

Экономика Российской империи развивалась в XIX в. весьма интенсивно. Только в первой половине столетия число мануфактур увеличилось с 2,4 тыс. в 1804 г. до 15,3 тыс. в 1860 г. В 1830–1840-е гг. в России начался и промышленный переворот, характеризующийся применением машинной техники и формированием промышленной буржуазии и пролетариата.

Генезис российской буржуазии был связан с эпохой первоначального накопления капитала (XVIII – начало XIX в.). Завершение формирования предпринимательского класса происходило уже на этапе промышленного переворота в России (1830–1880-е гг.). Именно тогда машинная техника постепенно превращала предпринимательство в источник быстрого и гарантированного получения прибыли.

В начале XIX столетия наиболее активным элементом, из которого пополнялась русская буржуазия, было крестьянство: регулярные занятия торгово-промышленной деятельностью привели уже в XVIII в. к образованию слоя «капиталистов» крестьян. В царствование Александра I выкупилось на волю около 29 тыс. крепостных, причем 88 из них за суммы, превышающие 1 тыс. руб.

Мы видим, что и в России новые экономические веяния пробивались через феодальные порядки.

Однако сословные привилегии опутывали по рукам и ногам предпринимательскую инициативу.

Существование устарелой социальной иерархии тормозило деловую активность, ибо отсутствовали правовые гарантии успешного развития бизнеса. Фактически деловая элита имела экономические рычаги влияния на общество, но отнюдь не политические.

Значительную часть препонов на пути экономического развития Российской империи и активизации предпринимательской деятельности сняли Великие буржуазные реформы 1860–1870-х гг.

И хотя Россия по многим показателям продолжала отставать от ведущих стран Европы и Америки, тем не менее в начале XX в. она приобрела структуру народного хозяйства, весьма схожую с той, что имели другие промышленно развитые страны Запада в начальный период своего активного индустриального развития. Произошла существенная модернизация технической базы производства, изменились экономическое поведение предпринимателей, практика управления, качество рабочей силы.

Однако слой средней и мелкой русской буржуазии оставался слабым, огромен был отрыв элиты делового мира от своей опоры.

Это обстоятельство влияло и на «встроенность» российских предпринимательских кругов в сословно-иерархическую систему империи конца XIX–начала XX в. Фактически символом делового мира в империи оставался купец. Несмотря на то, что он потерял самостоятельную экономическую значимость, превратившись к концу XIX в. в составную часть буржуазии, тем не менее торговые элементы сохранили свою корпоративную организацию.

Для общества именно купец являлся олицетворением предпринимателя. Таким образом, купеческое звание говорило о принадлежности к определенной сословной группе и обозначало положение в классовой структуре общества. А само купечество было единственной социальной категорией, для вхождения в которую требовалось уплатить денежный взнос. Только в 1898 г. была ликвидирована связь между получением гильдейского свидетельства и занятием предпринимательской деятельностью.

Купечество продолжало сохранять сословную организацию, хотя оно объединяло сравнительно небольшой круг лиц, многие из которых к тому же вовсе не были заняты предпринимательской деятельностью. Ведь в купечестве долгие годы числились и те, кто был приписан к нему ради получения определенных сословных преимуществ, имевшихся у купечества. Более того, присутствие самого купеческого сословия в определенной степени сдерживало корпоративную консолидацию отечественной буржуазии.

Несмотря на то, что конец XIX – начало XX столетия отмечены определенным снижением роли сословного купечества в предпринимательской деятельности, тем не менее в некоторых регионах именно купцы продолжали определять деловую активность региона. К такой территории можно отнести Европейский Север Российской империи. Здесь практически отсутствовало крепостное право, торговые люди издавна играли роль связующего фактора между российской и европейской экономикой. Архангельский порт долгое время служил единственным окном российской торговли в Европу. Именно северное купечество не только занималось торговлей, но и основывало мануфактуры, фабрики, промыслы... К тому же в конце XVIII–первой половине XIX в. Европейский Север все шире

втягивался в торговые связи с русскими губерниями, в общероссийский рынок.

Возможно, именно эти соображения и обратили исследовательскую активность И. И. Лейман на купечество Вологодской губернии конца XIX – начала XX столетия [1].

В данной работе автором дано описание социально-экономической ситуации на Европейском Севере России в середине XIX столетия. Оно представлено через призму широкой и разносторонней деятельности купечества Вологодской губернии. Основным источником работы стали материалы еженедельного регионального издания «Вологодских губернских ведомостей» за 1838–1860 гг. Особо тщательно изучена база частных объявлений газеты. На этой основе дана характеристика деятельности купцов в сфере торговли и предпринимательства. Не обойдены автором и иные аспекты активности торгового люда: проанализированы основные направления благотворительной деятельности купечества, при этом отмечен значительный вклад купцов в становление в губернии системы женского образования, а также попечительские инициативы представителей торгового сословия в годы Крымской войны. Фактически впервые в практике отечественной историографии в комплексе представлена благотворительная деятельность купечества Европейского Севера в сфере городского хозяйства. Не забыты быт и общественная жизнь провинциального купечества.

Конечно, основное внимание в монографии уделено торговой деятельности вологодского купечества. Действительно, история торговли в первой половине XIX в. на Европейском Севере России (автор подразумевает под этим географическим понятием территории Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний) тесно связана с историей местного купечества. Именно представители купеческого сословия занимались оптовыми закупками преимущественно сырьевых и сельскохозяйственных товаров на территории Вологодской губернии, а нередко и соседних с ней регионов и их последующей транспортировкой до крупных торговых центров и портов, а также на ярмарки. В этот период купцы начали содержать лавки и магазины, таким образом активно развивая розничную торговую сеть не только в губернских и уездных городах, но и ряде сельских населенных пунктов. И. И. Лейман справедливо полагает, что «деятельность купечества в сфере стационарной и периодической торговли, а также обеспечение транзита товаров по территории губернии способствовала формированию в Российской империи единого внутреннего рынка» [там же, с. 128].

Автор видит задачу своего исследования не только в том, чтобы дать ретроспективу развития отечественного предпринимательства, не просто показать торгово-экономическую составляющую деятельности представителей торгового сословия, но считает необходимым на ее основе воссоздать «психологический портрет, внешний облик, семейные ценности и устои купечества, способствовать возрождению традиций благотворительности и меценатства, весьма распространенных в этой среде до революции» [там же, с. 3].

Это действительно важно, ибо «купечество Европейского Севера России сыграло большую роль в социально-экономическом и культурном развитии Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний», причем его влияние «выходило далеко за рамки торговой деятельности». [там же, с. 3]. Многие объекты социальной инфраструктуры региона (больницы, образовательные учреждения, детские приюты, богадельни и др.) не только были созданы, но и «во многом содержались на пожертвования представителей торгового сословия». Немало представителей купеческого сословия активно участвовало в городском управлении. Автор делает вполне обоснованный вывод, что купечество было «неотъемлемой частью общественной жизни наиболее развитых в торговом отношении городов» [там же, с. 128].

И. И. Лейман строит свое исследование на обширном материале еженедельного периодического издания «Вологодских губернских ведомостей» за 1838–1860 гг., полагая, что сведений, которые можно почерпнуть из периодической печати вполне достаточно, чтобы «при помощи методов количественного анализа <...> воссоздать комплексную картину жизни провинциального купечества в середине XIX в., зафиксировать основные формы активности представителей торгового сословия и проследить динамику их развития <...> выделить основные направления деятельности местного купечества и проследить происходившие в регионе в середине XIX в. социально-экономические трансформации» [там же, с. 128, 130].

Вполне вероятно, что это так, хотя привлечение иных, дополнительных источников (например, мемуарного характера, статистических данных и т. п.) обогатило бы исследование. Такой подход позволил бы более четко выявить специфику как экономической, так и общественно-политической деятельности купечества, более четко показать специфические черты именно вологодского торгового сословия, добавить какие-то новые, дополнительные штрихи к нарисованной картине. Хотя и представленный комплекс источников позволяет в целом реконструировать историю, жизнь и деятельность северного торгового люда.

Возможно, автору следовало бы избегать оценок, которые представляются несколько категоричными. Это касается, например, таких утверждений: «История до-революционной торговли и предпринимательства в целом и купеческого сословия в частности в советской историографии по причине сложившейся политической конъюнктуры не пользовалась большим вниманием исследователей. Всплеск интереса к данной теме начинает наблюдаться с конца XX в. и продолжает сохраняться в настоящее время» [там же, с. 3]. Конечно, с конца 1980-х гг. наблюдается вполне объяснимый рост интереса к истории российского делового мира, в том числе и деятельности купеческих династий. Однако и советская историческая наука отнюдь не избегала тем, связанных с историей развития торговли и купечества. Конечно, исследования по данной тематике не столь уж многочисленны, но они есть. Достаточно упомянуть работы П. П. Смирнова, В. Е. Сыро-

ечковского, Н. В. Устюгова, Р. И. Козинцевой, А. Н. Боханова и др. [2–10]. Другое дело, что в советский период деловой мир, в том числе и купечество, представлялось в научных работах и учебных пособиях почти исключительно в темных тонах. Однако ныне преобладает иная тенденция – многие исследователи склонны идеализировать облик предпринимателей.

Работа И. И. Лейман о вологодском купечестве логически продолжает тему исследования начатую несколько ранее монографией об ярмарочной торговле на Европейском Севере в XIX – начале XX в. [11]. Обращение к истории ярмарок вполне объяснимо. Ведь торговля на российских просторах имела свои специфические черты. Это, прежде всего, громадные размеры страны и низкая плотность населения. К этому добавлялись плохие пути сообщения, неразвитость средств информации, недостаточность торговых капиталов и самих купцов. Кроме того, промышленное производство было сосредоточено в немногих центрах. В результате товарная продукция проходила через руки множества посредников, существенно поднимаясь в цене.

Именно в силу этих причин особое место в торговых отношениях с XVIII в. играют ярмарки – своеобразный, приуроченный к определенному времени и месту рынок. Продолжались ярмарки обычно одну–две недели. Они возникли в России еще в XVI в., но именно в следующем столетии начинают играть важную роль в формировании всероссийского рынка. Крупнейшими были Макарьевская и Ирбитская ярмарки.

Российские ярмарки выполняли важную не только торговую, но и информационную функции. Именно на них жители разных городов и сел общались с жителями других регионов, обменивались новостями. Во время ярмарок издавались различного рода путеводители, календари и даже регулярная пресса. Таким образом, крупные ярмарки служили не просто пунктами торговли, но и центрами обмена знаниями, опытом, техникой, навыками производства. Возможно, именно этими обстоятельствами объясняется тот факт, что в отличие от Западной Европы, где ярмарки по мере развития стационарной торговли утрачивают свое значение, в России они продолжают свою деятельность вплоть до начала XX столетия, отнюдь не утрачивая своей роли.

Более того, государство, осознавая важность ярмарок для российской экономики и культурной жизни, способствовало их развитию. В 1864 г. создается Главное управление торговли и ярмарок, которое отвечало за организацию и контроль проведения ярмарок по всей империи. Ярмарки благодаря заботе государственных структур модернизировались и развивались, превращаясь в серьезное экономическое и культурное явление.

Они, несмотря на свою кратковременность, занимали важное место в жизни местного крестьянского населения (а Европейский Север был по преимуществу крестьянским). И здесь дело не только в том, что у торгующих была возможность закупить местную продукцию (охотничьих, рыболовных и других промыслов), которая носила преимущественно сезонный характер, но и крестьяне могли

приобрести нужный товар по более выгодной цене, что превращало ярмарки в инструмент конкуренции и торговли. Таким образом, ярмарки являлись для местного населения не только пунктами сбыта местного сырья, но и инструментом получения промышленных изделий и недостающего хлеба.

Благодаря ярмаркам местное население втягивалось в товарно–денежные отношения, что способствовало складыванию местного купечества и в значительной степени расширяло экономические связи с соседними регионами, содействуя формированию общероссийского рынка.

В монографии И. И. Лейман, посвященной истории ярмарок на Европейском Севере в XIX–начале XX столетий, представлен анализ основных этапов развития ярмарочной торговли в России с момента зарождения и до начала XX в. Автором выявлены ярмарочные районы Европейского Севера России, охарактеризованы их центры – города. При этом не просто представлено описание городских «ярмарочных цепей» районов, но и проанализированы их товарный профиль и значение для Европейского Севера России. Дана оценка динамике развития ярмарочной сети в сельской местности Европейского Севера России, определено значение сельских ярмарок для населения края и развития внутреннего рынка России в целом. Описаны механизм организации ярмарок на Европейском Севере России в XIX – начале XX в. и их роль для населения края.

Автор вполне обоснованно говорит о том, что «ярмарочная торговля в дореволюционной России на протяжении не одного столетия являлась основой формирования единого внутреннего рынка». Определяя территориальные рамки исследования, И. И. Лейман указывает, что на Европейском Севере, в силу разнообразных географических, климатических и хозяйственных условий, сложился широкий спектр вариантов развития ярмарочной торговли. Данное обстоятельство в сочетании с сезонным характером производства и сбыта главных ярмарочных товаров, слабого развития сухопутного сообщения, низкой плотности населения при огромных размерах территории придавало ярмарочной торговле особенное значение и позволяло проявить себя «в наибольшей полноте своих потенциальных возможностей». Что касается хронологических рамок, то начальная дата – XIX в. – обусловлена комплексом изменений, произошедших в сфере государственного управления и экономического развития России в это время. Конечная дата – начало XX в., также вполне объяснима – она определена началом Первой мировой войны и последовавшими за ней революциями [11, с. 3].

Особое внимание в монографии уделено вопросам, связанным с участием в организации ярмарочной торговли органов государственного управления и местного самоуправления России, истории ярмарок в городах Европейского Севера России в XIX–начале XX в., организации периферийных ярмарок на Европейском Севере России.

В заключение делается вывод о том, что ярмарки не просто способствовали вовлечению Европейского Севера России в огромный хозяйственный механизм страны и становлению данного региона как органичной части

внутреннего рынка России, связывая территорию региона в единый экономический механизм, но и «способствовали формированию единого информационно-культурного пространства», что в условиях неразвитости сети путей сообщения и больших размеров территории, по мнению автора, «имело исключительно важное значение». Более того, ярмарочная торговля имела и иную, далеко не экономическую ценность. А именно: «...ярмарки, ассоциировавшиеся в массовом сознании как праздничное действо, создавали условия для выплеска всех негативных эмоций, снятия накопившегося стресса и физического напряжения, что при невысоком уровне и качестве жизни в целом имело высокую значимость для психологического здоровья и душевного состояния населения». Таким образом, ярмарки не просто несли «на себе печать всех происходивших в стране политических и социально-экономических изменений, не только отражали историческую действительность, но и формировали ее». Можно даже говорить о том, что ярмарки выполняли «функцию по объединению отдельных регионов и целой страны в единое экономическое и информационно-культурное пространство [11, с. 179]. И с этими выводами автора, ознакомившись с материалами книги, трудно не согласиться.

Итожа, хотелось бы отметить большую работу, проделанную И. И. Лейман. Материалы, проанализированные автором в двух рецензируемых изданиях, вне всякого сомнения, в значительной степени помогут ученым-историкам, этнографам, студентам и аспирантам, обучающимся по историческим специальностям, краеведам в изучении истории Европейского Севера России.

Литература

1. Лейман, И. И. Купечество Вологодской губернии в середине XIX века (по материалам губернской периодической печати) / И. И. Лейман. – Екатеринбург: УрО РАН, 2024. – 158 с.
2. Сыроечковский, В. Е. Гости-сурожане / В. Е. Сыроечковский. – М.; Л.: ОГИЗ, 1935. – 123 с.
3. Смирнов, П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. 1–2 / П. П. Смирнов. – М.; Л.: Академия наук СССР, 1947. – Т. 1. – 490 с.; 1948. – Т. 2. – 736 с.
4. Яковцевский, В. Н. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России / В. Н. Яковцевский. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. – 203 с.
5. Устюгов, Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке: К вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности / Н. В. Устюгов. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 336 с.
6. Рындзюнский, П. Г. Городское гражданство дореформенной России / П. Г. Рындзюнский. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. – 559 с.
7. Александров, В. А. Сибирские торг. Люди Ушаковы в XVII в. / В. А. Александров // Русское государство в XVII в.: новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни: сб. ст. / под ред. Н. В. Устюгова. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. – С. 131–150.
8. Козинцева, Р. И. Внешнеторговый оборот Архангельской ярмарки и ее роль в развитии всероссийского рынка / Р. И. Козинцева // Исследования по истории феодально-крепостнической России: сб. ст. / под ред. С. Н. Валка. – М.; Л.: Наука, 1964. – С. 116–163.
9. Боханов, А. Н. Российское купечество в конце XIX – начале XX в. / А. Н. Боханов // История СССР. – 1985. – № 4. – С. 106–118.
10. Варенцов, В. А. Привилегированное купечество Новгорода XVI–XVII вв. / В. А. Варенцов. – Вологда: Вологод. гос. пед. ин-т, 1989. – 94 с.
11. Лейман, И. И. Ярмарки на Европейском Севере России в XIX–начале XX века / И. И. Лейман. – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2019. – 232 с.

*Доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории и методики обучения
общественно-правовым дисциплинам
Института истории и права
Сыктывкарского государственного
университета им. Питирима Сорокина
О. В. Золотарев*